

Философские
науки

6

1975

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

п26
9

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал выходит 6 раз в год

6

—
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА

«Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В трех томах». Том I «Г. В. Плеханов и его роль в распространении марксистского мировоззрения в революционном движении России». М., «Наука», 1973, 416 стр.; Том II «Г. В. Плеханов и международное рабочее движение». М., «Наука», 1973, 464 стр.; Том III «Проблемы истории философии, эстетики и общественной мысли». М., «Наука», 1974, 408 стр.

С тех пор, как почти сто лет назад (18 декабря 1876 г.) Г. В. Плеханов выступил с речью на демонстрации у Казанского собора в Петербурге — этим днем датируется начало его революционной деятельности — о нем написаны десятки книг и сотни статей. После Постановления ЦК КПСС в связи со 100-летием со дня рождения Г. В. Плеханова (1956) научные исследования, посвященные самым различным сторонам наследия первого русского марксиста, развернулись особенно интенсивно. Оживлению работы в области плехановедения содействовали издание пятитомника «Избранных философских произведений Г. В. Плеханова» (1956—1958 гг.), а также монографические исследования и статьи о первом русском марксисте известных советских историков философии М. Т. Иовчука, Б. А. Чагина, М. И. Сидорова, В. А. Фоминой, А. Н. Маслины и других авторов.

В последние годы интерес к Плеханову не только не ослабевает, но, по-видимому, возрастает. И исследование идет по очень широкому кругу как общих, так и частных проблем идейного наследия выдающегося русского мыслителя-марксиста.

И все-таки вряд ли можно считать, что здесь уже все сделано. В этой связи выход в свет трехтомника «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова» привлекает особое внимание. Можно сказать, что это — одно из немногих значительных событий в нашей историко-философской литературе последних лет.

Надо отдать должное инициаторам и авторам этого очень трудоемкого, тщательно выполненного в научном и техническом отношениях труда. Трехтомник — совместное издание Института философии АН СССР и Дома Плеханова (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). Издание вышло под общей редакцией М. Т. Иовчука (главный редактор), И. Н. Курбатовой и Б. А. Чагина, каждый из которых, кроме того, является редактором соответственно первого, второго и третьего томов и автором вступительных статей к ним.

Примерно четверть часть трехтомника составляют статьи, рефераты, записи выступлений, варианты, конспекты и планы работ Плеханова. Все это документы, либо ставшие библиографической редкостью, либо вообще публикующиеся впервые. Более трети объема издания падает на переписку Плеханова. Прав М. Т. Иовчук, высказавший в своей вступительной статье мысль о том, что «особый интерес читателя несомненно вызовет обширная переписка Плеханова с В. И. Лениным и другими деятелями российского революционного рабочего движения (А. М. Коллонтай, Г. М. Кржижановским, Н. Э. Бауманом и другими), с членами группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельродом и В. И. Засулич, с членами редакции «Искры» и других органов социал-демократической печати, с Л. И. Аксельрод-Ортодокс и А. М. Дебориным, со многими представителями русской науки и культуры» (см. т. 1, стр. 20).

К числу несомненных достоинств трехтомника философско-литературного наследия Г. В. Плеханова следует отнести и то, что это — не просто издание или переиздание определенных текстов: около трети всего объема приходится на вводные статьи и примечания (с указателями). Читатель получает тщательно прокомментированные тексты. Во вступительных статьях и комментариях к трехтомнику сформулировано немало новых, свежих мыслей и оценок, которые в сумме являются несомненно приращением знаний об идейно-философском наследии выдающегося русского мыслителя-марксиста. В целом эта часть работы заслуживает самых добрых слов.

Думается, что значение нового издания «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова» следует оценивать исходя из учета современной ситуации в плехановедении. Это издание — повод еще раз поговорить об актуальных проблемах научной работы, встающих при изучении плехановского идейно-философского наследия. Можно не сомневаться в том, что в ближайшем будущем влияние рецензируемого издания будет способствовать преодолению еще появляющихся время от времени весьма однобоких оценок тех или иных сторон наследия Плеханова.

Мысль В. И. Ленина, которую весьма своевременно напомнил М. Т. Иовчук в своей вводной статье к I тому «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова», представляется нам особенно важной и с точки зрения всего идеино-философского содержания рецензируемого трехтомника и дальнейших перспектив научных исследований по вопросу о роли Плеханова в истории марксистской мысли, и в истории русского и международного рабочего движения.

«В I томе, — отмечает М. Т. Иовчук, — представлены материалы и письма, свидетельствующие о том, что Плеханов занимал особую позицию в сравнении с меньшевиками по ряду теоретических вопросов...» (там же, стр. 11). Здесь действительно дается прекрасный дополнительный материал для характеристики особой позиции первого русского марксиста как в теоретической сфере — по проблемам философии и общественной мысли, так и в российском и в международном рабочем движении.

После II съезда РСДРП Плеханов примкнул к меньшевикам, осознавая и признавая свою принадлежность к меньшевистской фракции. Ему казались верными основные установки меньшевистской тактики в русской революции (см. там же, стр. 94). Но уже в 1905 г. ему становится трудно «дышать тем воздухом, которым приходится теперь дышать вся кому, принадлежащему к меньшинству» (там же, стр. 213). Наметившаяся в меньшевизме тенденция к «легализму», ликвидаторству «выталкивает» Плеханова из меньшевистской фракции, в политических делах он начинает ощущать одиночество (см. там же, стр. 242). Пожалуй, ничего так страстно не желал Плеханов в годы после революции 1905 г. как восстановления единства в РСДРП, сближения между марксистами-меньшевиками и марксистами-большевиками (см. там же, стр. 151—152), что, между прочим, совпадало до определенного момента со стремлениями В. И. Ленина и ленинцев.

В 1910 г. Плеханов настаивает на своей полной «внефракционности». В письме к Н. А. Рубакину от 12 октября 1910 г. Плеханов выдвинул специальную «формулу прогресса», которая позволяла ему считать себя ни меньшевиком, ни большевиком: «... Меня вряд ли правильно причислять к меньшевикам. Я стою на точке зрения идей группы «Освобождение труда», и в каждое данное время я ближе к той из нынешних фракций социал-демократии, которая ближе к этим идеям. Я считаю, что прогресс нашей партии именно состоит в лучшем и лучшем усвоении ею идей группы «Освобождение труда». Такая «формула прогресса» не позволяет зачислять меня ни в одну из фракций» (там же, стр. 248). Плеханов настаивал на том, что в его тактических взглядах с 80-х гг. «не происходило никаких существенных изменений», и даже утверждал, что в некоторых вопросах обе фракции РСДРП «не доросли» до программы группы «Освобождение труда». Такого рода высказываний можно было бы привести немало.

Работы Плеханова, относящиеся ко времени после его разрыва с В. И. Лениным и перехода к меньшевикам, в частности доклад «Наша программа и наши современные задачи» (там же, стр. 84), письмо в редакцию меньшевистского журнала «Начало» от 18 декабря 1905 г. (там же, стр. 214), статья «Кое-что об Италии» (т. II, стр. 52), написанная в 1910 г., лишний раз напоминают хорошо известную истину, что и в это время субъективно Плеханов неизменно придерживался принципов революционного марксизма, критиковал правый оппортунизм типа бернштейнианства и «левый» ревизионизм типа анархо-синдикализма.

Ключ к объяснению политического поведения Плеханова после 1903 г. мы должны искать в исторически возникшем противоречии между плехановскими революционными принципами эпохи группы «Освобождение труда», бывшими вполне достаточными для тогдашней социальной действительности и практики российского революционного движения, и потребностями новой эпохи и новой революционной практики, которые уже не могли быть объяснены с позиций плехановской концепции революционного марксизма, выработанной в условиях XIX столетия. В XX столетии революционные принципы Плеханова объективно утрачивали свое революционное содержание, перерастали в свою противоположность.

В рецензируемом трехтомнике опубликовано много новых материалов, проливающих дополнительный свет на вопрос о теоретических предпосылках практическо-политической позиции Г. В. Плеханова после 1903 г.

Во вводной статье к III тому рецензируемого издания Б. А. Чагин вновь поднимает тему специфики плехановского подхода к русскому историческому процессу (см. т. III, стр. 13—14). Думается, было бы не вполне корректно упрекать Плеханова в том, что в его схеме русского исторического процесса «почти отсутствует постановка вопроса о развитии и смене феодальной общественной формации капиталистической», что «этот исходный марксистский тезис он заменяет рассмотрением проблемы отношения России к Востоку и Западу, считая ее одним из центральных вопросов исторического развития». У Плеханова имеется постановка вопроса о специфике истории России. Но поскольку действительно Плеханову-марксисту тема «осмысленного западничества» отнюдь не чужда, она придает своеобразную окраску в целом марксистски решаемой Плехановым проблеме перехода России от феодализма к капитализму и далее к социализму. «Осмысленное западничество» чувствуется, например, когда Плеханов спорит с народниками относительно судеб капитализма в России. «Восточный деспотизм», «азиатчина» — лютые враги Плеханова, и единственную альтернативу им он видел в капитализме, хотя капитализм также признавался злом, но злом наименьшим. Плеханов особенно отрицательно относится ко «всемогуществу» деспотического государства вос-

точного типа. И не случайно он спорил с «легальными» народниками, подчеркивавшими в своем «социализме» особую роль государства (см. т. I, стр. 38—«Бернский реферат»). Критика Плехановым «азиатчины» сказалась и на его отношении к проблемам империализма.

Чрезвычайно любопытны опубликованные в новом издании наследия Плеханова материалы, характеризующие его отношение к новым явлениям в экономической истории капитализма XX в., к монополиям в частности (см. не увидевшее в свое время свет предисловие Плеханова к книге английского экономиста Макрости «Рост монополий в английской промышленности» (там же, стр. 48—50). Стоит, однако, заметить, что прослеживаемая в этом предисловии связь между проблемой монополий и условиями будущей национализации производства (к проблеме национализации, как известно, Плеханов всегда относился весьма осторожно), объясняет его «невнимание» к империализму, как высшей стадии капитализма. При известных условиях «монополия» не только не приближает к социализму, но, наоборот, отдаляется от него — так можно было бы сформулировать мысль, находящуюся в подтексте в соответствующих фрагментах предисловия Плеханова к книге Макрости.

Опубликованные в трехтомнике новые материалы лишний раз напоминают о том, почему Плеханов не только «не замечал» элементов перехода русского капитализма к империализму и почему в его тактике так много отведено места русской буржуазии, причем не просто буржуазии, а *либеральной* буржуазии и не просто либеральной, а «хорошей» *либеральной* буржуазии, которую он не хотел «гладить теперь против шерсти» (там же, стр. 118—119 — письмо В. И. Ленину; там же, стр. 192 — письмо П. Б. Аксельроду). И опять нужно подчеркнуть, что Плеханов после 1903 г., как и в период деятельности группы «Освобождение труда», считал русскую буржуазию неспособной взять на себя инициативу борьбы с самодержавием; его цель оставалась двойной — одновременно бороться с царизмом и с капитализмом, а следовательно, и с буржуазной идеологией; он мечтал буржуазию сделать орудием пролетариата; «плохих» либералов — «Иуду» Струве и «недоноска» Бердяева (слова Плеханова) он бичевал страстно, непримиримо и позднее жалел, что в 90-х гг. уступил Потресову и не обрушился на Струве, «как он того заслуживал» (там же, стр. 117, 119, а также см. стр. 229 — письмо Ю. О. Мартову). Недостаточно критическое отношение Плеханова к русской либеральной буржуазии и невнимание к экономическим проблемам эпохи империализма, в чем его совершенно справедливо упрекал В. И. Ленин, — звенья одной цепи: к социализму, считал Плеханов, пролетариат может прийти лишь пройдя школу политического воспитания в зрелом, развитом, «классическом» капитализме, при котором максимально развиваются материальные производительные силы и вполне оформляется буржуазно-демократический, «либеральный» политический режим.

Плеханов навсегда остался по существу верен точке зрения группы «Освобождение труда» в аграрно-крестьянском вопросе. И хотя он никогда не соглашался с тезисом о том, что «крестьяне в большинстве *враждебны социализму*» (там же, стр. 106), не хотел оставаться равнодушным к революционному движению в деревне и, будучи уже меньшевиком, продолжал размышлять о будущей диктатуре пролетариата и союзных с ним классов (см. там же, стр. 89); ведущим у Плеханова навсегда остался «западнический» окраинный лозунг: «Крестьянская Азия временно поддерживает пролетарскую Европу» (т. III, стр. 141). Крестьянство в его глазах являлось по преимуществу консервативной силой буржуазного общества.

Реценziруемое издание приносит много новых материалов для характеристики той роли, которую играл Плеханов в русском социал-демократическом движении в качестве теоретика, философа-марксиста. Переписка Плеханова с В. И. Засулич, Л. И. Аксельрод, А. М. Дебориным, Ю. О. Мартовым, А. М. Коллонтай, В. Д. Бонч-Бруевичем и другими корреспондентами в этом отношении весьма показательна. Отсюда мы узнаем о многих важных, но сравнительно мало известных аспектах философского творчества Плеханова и его философских связей. Здесь и сведения о первых систематических занятиях Плеханова (вместе с Засулич) философией Гегеля (см. там же, стр. 241) и любопытные факты об откликах в России на появление книги «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (см. т. III, стр. 219); мы узнаем о том, что Н. Э. Бауман советовал Плеханову заняться критикой одной из «напустивших туман» статей Струве, связав ее с разбором «философских упражнений» гг. Бернштейна и П. Струве» (см. т. I, стр. 182), что А. М. Коллонтай обращалась к Плеханову с просьбой внести «трезвую, научную ноту» в мистический, детский лепет богоискателей (там же, стр. 240). Опубликованные материалы напоминают читателю и о той деликатной ситуации, которая сложилась в русской социал-демократии в связи с философской деятельностью А. А. Богданова: еще в 1901 г. Г. В. Плеханов и Л. И. Аксельрод готовы были начать энергичную критику философии Богданова, усматривая в ней «решительное отрицание материализма» (там же, стр. 131), но открытую полемику с Богдановым им пришлось начать значительно позднее. Из переписки Г. В. Плеханова с И. И. Аксельрод следует, что Плеханов стал проявлять интерес к неогегельянству с 1911 г., что является весьма характерным штрихом к общей проблеме «Гегель и Плеханов».

В 1906 г. у Плеханова сложился проект издания «Материалистической библиотеки» (см. там же, стр. 92). Об этом проекте читатели узнали из плехановской полемики против Богданова. Сведения о намерениях Плеханова дошли даже до глухих сибирских деревень. В одной из них оказалась инициативная «маленькая группа», занимающаяся

усвоением основ материализма», которая обратилась к Плеханову за помощью в философском самообразовании (см. т. III, стр. 268).

Впервые опубликованные письма Л. И. Аксельрод и А. М. Деборина являются новым свидетельством того, что на рубеже XIX—XX вв. сложилась «философская школа» Плеханова. Плеханов — в полном смысле слова наставник, главный советчик, судья, критик и защитник своих молодых учеников и соратников. Ученики же принимали работы самого Плеханова как «превосходные» и «неувядающие», которые нравились им «как по содержанию, так и по форме, как по общему ходу мысли, так и в частностях» (т. III, стр. 238; см. также т. I, стр. 219—221; т. III, стр. 254). Фактом, однако, остается, что в первые два десятилетия XX в. существенные различия между философской концепцией В. И. Ленина и Г. В. Плеханова не осознавались еще сколько-нибудь полно (ленинская критика философской концепции Плеханова в «Философских тетрадях» оставалась неизвестной), а объективные исторические условия идеино-философской борьбы побуждали Плеханова и Ленина к тесному «философскому союзу» против буржуазной идеалистической философии и философского ревизионизма. И совсем не случайно большевик В. Д. Бонч-Бруевич писал Г. В. Плеханову в 1914 г.: «Нужно ли говорить мне Вам, что печатать Ваши работы я счел бы для себя особенным удовольствием» (т. III, стр. 292).

Опубликованная во II томе «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова» переписка с социалистами Германии (особенно с К. Каутским, В. Либкнехтом, Ф. Мерингом), Италии (А. Лабриола, Э. Ферри и др.), Франции (Ж. Гед и др.), США, Польши, Болгарии, Швейцарии, с деятелями Международного социалистического бюро II Интернационала (Э. Вандервельде, В. Серви, К. Гюйсман), а также с социалистами Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Норвегии, Персии, Сербии, Румынии, Японии характеризует весьма многогранную деятельность Г. В. Плеханова в международном рабочем движении.

О широких контактах Г. В. Плеханова с главными деятелями II Интернационала, представлявшими в нем европейское рабочее движение, известно давно. Но отдельные моменты из истории борьбы Плеханова против политического оппортунизма и философского ревизионизма еще раз обращают на себя внимание.

Известно, что к Плеханову-меньшевику можно и должно предъявить много суровых претензий по части его собственного оппортунизма, близкого по природе к оппортунизму II Интернационала. Но при этом как-то в стороне остается одна весьма существенная деталь: лично для Плеханова борьба со всеми политическими оппортунизмом и ревизионизмом была делом всей его жизни. Он глубоко переживал все перипетии борьбы с бернштейнианством.

В критике Плехановым «экс-социал-демократа» Бернштейна есть, если хотите, даже трагический момент. «... Всего досаднее, что Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать» (т. II, стр. 305), — признавался Плеханов. «Кое в чем»!! И в этом признании — он весь, Плеханов-меньшевик, деятель II Интернационала, непримиримый противник большевизма.

Однако именно в связи с критикой бернштейнианства авторитет Плеханова в международной социал-демократии сильно вырос. К Плеханову-философу обращались социалисты многих стран по самым различным «философским» поводам (см. там же, стр. 96—97, 119—120, 196, 199).

И. Курбатова справедливо отмечает, что брошюра «Анархизм и социализм» «сделала имя Плеханова популярным среди социалистов многих стран» (там же, стр. 13). Многие вновь публикуемые в рецензируемом издании документы подтверждают эту мысль. Особенно показательны для характеристики борьбы Плеханова против международного анархизма и анархо-синдикализма письма к нему американских социалистов (в США в начале XX в. анархизм получил значительное распространение — см. там же, стр. 229, 235), интервью Плеханова болгарской социалистической газете «Работническая борьба» (там же, стр. 40) и новый вариант предисловия к 3-му изданию брошюры «Анархизм и социализм».

С именем Г. В. Плеханова связано обсуждение важной и сегодня темы: в чем специфика развития социализма и задач социалистических партий в условиях стран, где капитализм развит слабо, стран, которые еще находятся в переходном периоде от феодализма к капитализму? Переписка с болгарскими социалистами (см. там же, стр. 90—103) и социалистами Персии (см. там же, стр. 107—121) и другие материалы — солидная база для изучения этой, одной из важных сторон наследия Плеханова.

Когда перечитываешь произведения Плеханова различных периодов его жизни, невольно ловишь себя на том, что в подтексте всех его суждений неизменно звучит один и тот же мотив: как бы не впасть в утопизм, субъективизм и волонтаризм, как бы прочнее увязать субъективные действия, цели людей и социалистической партии с «объективной логикой вещей»; Плеханов — политический деятель-социалист хотел действовать наверняка, чтобы риск поражения был исключен; социалистическая партия должна, думал он, исполнять лишь роль акушера при естественном рождении нового строя из старого. Антисубъективизм, «кантиантропоцентризм» — удивительно неизменный мотив всех суждений Плеханова на философско-исторические темы, равно как и по самым отвлеченным проблемам философской теории марксизма. Опубликованные в рецензируемом издании материалы — еще одно доказательство правильности сказанного.

В этом отношении особенно примечательна первая редакция очерка «Маркс» к «Очеркам по истории материализма». На этот раздел редакторы и комментаторы издания Плехановского наследия справедливо обращают внимание читателя. В первой редакции очерка «Маркс» как-то особенно отчетливо (во всяком случае, более отчетливо, чем в опубликованном окончательном варианте) просматриваются исходные мотивы обращения Плеханова к истории философии вообще, к истории материализма в частности. Занятия историей философии для Плеханова — не самоцель. Его интересует историческая и логическая связь между мыслителями, которые в той или иной форме могли «улавливать истинное соотношение между силами, действующими в истории» (т. III, стр. 40). История философии для Плеханова — введение в «философию истории», способ решения теоретических проблем, с которыми он столкнулся в качестве идеолога молодой российской социал-демократии, вступившей в борьбу не только с политическими, но и с философско-социологическими установками народничества. Уже в период формирования программы группы «Освобождение труда» Плеханов противопоставил идеологам и практикам народничества — «аполитичному» бакунизму, абсолютизировавшему «стихийность в истории» и «действия снизу», а также народовольчеству, налегавшему на энергичные, революционные «действия сверху», но сводившему революционную, политическую борьбу к заговору в духе бланкизма, — свою марксистскую тактику политической борьбы. Ее теоретическим фундаментом стала строго выдержанная в духе антисубъективизма и «кантиантропоцентризма» концепция соотношения необходимого и желательного, закономерности в природе и обществе и свободы человека, «необходимости и разума», «объективного хода вещей» и «субъективного фактора» — роли передовых личностей и партий.

Народническим представлениям о революционных партиях Плеханов противопоставил марксистскую концепцию социалистической рабочей партии, которая является сознательной выразительницей «стихийного хода событий», объективного общественного развития, интересов и стремлений передового класса общества — рабочего класса. Эта партия борется за свои близлежащие и конечные цели политическими средствами, опираясь на теоретическое осмысление законов развития объективной социальной действительности и на свои успехи в мобилизации такого «субъективного», «духовного фактора», как революционное самосознание рабочего класса.

Ответ на вопрос, зачем понадобилось революционному марксисту Плеханову углубляться в далекую историю французского материализма XVIII в., изучать Спинозу и Гегеля, мы находим в конечном счете в потребностях практики революционного движения в России 80—90-х гг. XIX в. «Диалектический материализм,— считал Плеханов,— разрешил проблему, которую его предшественник, материализм XVIII столетия, завещал человеческой мысли и которой сумел лишь слегка коснуться диалектический идеализм. Не в природе человека и не в имманентных законах мирового духа надо искать объяснения человеческой эволюции. Оно лежит в развитии производительных сил, другими словами, в большей или меньшей власти человека над природой». Или другими словами: «Маркс доказал, что скрытый двигатель, являющийся причиной исторического движения человечества, лежит не в человеке (не в человеческой природе) и не в мировом духе (все та же «человеческая природа», отраженная в зеркале идеализма), но далеко вне человека, в развитии его производительных сил, т. е. в росте его власти над природой» (там же, стр. 65). Речь шла, таким образом, о сведении теоретических счетов с идеальными противниками из лагеря народников.

К концу XIX в. философские симпатии и антипатии Плеханова окончательно определились. А. Н. Потресову он советует не увлекаться неокантианцами («Ведь, это так себе, эпигоны»), не осуждать «немецкого идеализма и материализма», изучать «Спинозу, французских материалистов, Гегеля, Фейербаха» (т. I, стр. 173). В этот список Плеханов с полным основанием мог бы включить еще и Белинского, размышления над сочинениями которого (как, впрочем, и над сочинениями других русских мыслителей) пронизаны теми же мотивами, которые побуждали его изучать западноевропейскую философию.

В заключение несколько слов о примечаниях к рецензируемому изданию. Авторы проделали гигантский труд по составлению примечаний, научно-техническому оформлению «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова». Конечно, можно отметить и отдельные досадные промахи, которые попадаются в рецензируемом трехтомнике. Так, в 154 примечании на стр. 359 III тома перепутаны журналы: говорится о «Русском слове», выходившем в 90-х гг., а речь должна идти о «Русском слове», издававшемся в 1859—1866 гг., где печатался соратник Д. И. Писарева Варфоломей Зайцев (см. там же, стр. 266). В примечаниях встречаются и другие «огрехи».

Повторим еще раз. Выход в свет «Философско-литературного наследия Г. В. Плеханова» — несомненно примечательное явление в нашей историко-философской литературе последних лет. Оно подтверждает бесспорную истину, что для историков марксистской философии совершенно необходимо знать и изучать все написанное выдающимся мыслителем-марксистом Г. В. Плехановым по философии и не только по философии.

Кандидат философских наук
Б. Ф. ПУСТАРНАКОВ
Сектор истории философии в СССР
Института философии АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Навстречу XXV съезду КПСС

Н. С. Мансуров, Т. К. Касумов — Методологические проблемы изучения социалистического образа жизни	19
Акад. Н. П. Дубинин — О философской борьбе в биологии	27
	12

* * *

А. П. Моисеев, Л. В. Черкасов (Ростов-на-Дону) — Общественная психология и формирование коммунистического мировоззрения	19
Э. Н. Лооне (Тарту) — Проблема исторического объяснения	27
В. А. Карпунин (Ленинград) — Философское значение метатеоретических исследований	33
Н. В. Брянник (Свердловск) — Гносеологические особенности логической формализации	42
Д. И. Дубровский — «Научный материализм» и психофизиологическая проблема (статья I. Общая характеристика «научного материализма»)	48
В. П. Хютт (Таллин) — Парменид и физика	68
Н. И. Стяжкин; С. М. Талышлы (Баку) — К характеристике философии Дунса Скота	75
Г. В. Грушевской (Минск) — Окквидионализм Н. Мальбранша и современность	87

Марксистская философия и социология за рубежом

Данель Полиньски (ПНР) — Структура производственно-потребительной деятельности	95
В. Г. Марахов, Ю. Н. Абаков (Ленинград) — Проблемы научно-технической революции (обзор работ Синго Сибата)	102
В. Ф. Берков, А. С. Клевчевая (Минск) — Вопросы методологии научных исследований ("Elementy marksistowskiej metodologii humanistyki". Poznań, 1973)	110

Научные публикации

В. И. Русин (Симферополь) — Забытая работа декабриста М. А. Фонвизина	115
---	-----

Сообщения, заметки, письма

Ю. Н. Туидыков (Свердловск) — Знания и моральность; В. М. Найдыш (Киев) — Смена методологических установок как необходимый элемент научной революции; А. С. Кравец (Воронеж) — Логико-гносеологическая типология вероятностей; А. Н. Роджеро — Об особенностях становления классической науки; И. Д. Мандель (Алма-Ата) — К вопросу об унификации определений	120
---	-----

Научная жизнь

Н. И. Демина, В. А. Жучков — Некоторые вопросы современного буржуазного кантоведения (по материалам IV Международного Кантовского конгресса в Майнце)	139
М. Д. Кузьминов, В. А. Кутырев — Методологические и методические проблемы подготовки философских кадров	145

Критика и библиография

А. В. Славин (Смоленск) — А. М. Коршунов, В. В. Мантатов. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974	149
	191

Н. Т. Костюк (Киев), Е. Г. Гавриш (Харьков) — А. И. Алешин. Методологические проблемы теоретического исследования в биологии. Горький, 1973; Н. П. Депенчук. Материалистическая диалектика и методы биологического исследования. Киев, 1973; И. Т. Фролов. Методологические принципы теоретической биологии. М., 1973	152
Ю. К. Плетников, В. Н. Шевченко — А. К. Уледов. Социологические заметки. М., 1975	154
В. А. Титов — А. А. Гусейнов. Социальная природа нравственности. М., 1974	157
И. Н. Яблоков — В. Е. Доля. Критика теологического понимания свободы. Львов, 1973	159
Л. А. Калинников (Калининград) — Г. А. Заиченко. Джон Локк. М., 1973; И. С. Нарский. Давид Юм. М., 1973	162
В. Ф. Пустарнаков — «Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В трех томах». Том I «Г. В. Плеханов и его роль в распространении марксистского мировоззрения в революционном движении России». М., 1973; Том II «Г. В. Плеханов и международное рабочее движение». М., 1973; Том III «Проблемы истории философии, эстетики и общественной мысли». М., 1974	165
Короткие рецензии: М. Д. Ахундов, Л. Б. Баженов — В. С. Степин, А. Н. Елсуков. Методы научного познания. Минск, 1974; Е. В. Попов, В. А. Попков (Воронеж) — «Методологический аспект материалистической диалектики» (под ред. проф. В. А. Штоффа). Л., 1974; Д. Ф. Козлов, Л. Е. Серебряков, М. И. Шумаков — П. А. Рачков. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М., 1974; С. Ф. Елисеев (Уфа); А. П. Казаков (Ленинград) — И. М. Рогов. Научно-технический прогресс и развитие личности (социологические и методологические проблемы). Л., 1974	170
Новые книги высшей школы, вышедшие в 1974—1975 гг.	175
Указатель статей, помещенных в журнале «Философские науки» в 1975 г.	181
Информация	188

ПОПРАВКИ

В № 4 за 1975 г. в статье Г. Х. фон Райт «Детерминизм, истина и временной параметр» на стр. 114, 19 строка снизу формулу следует читать:

$$A''4. Mp \& Mq \longleftrightarrow (M(p \& q) VM(p \& Mq) VM(q \& Mp))$$

В № 5 за 1975 г. в статье Каталин Г. Хаваш «Логика и философия, философская логика» на стр. 132 на 18 строке снизу формулу следует читать так:

$$\forall (x) F(x) \wedge \overline{F}(x)$$